

НАРУШЕННЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ МОГИЛЬНИКА ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ТАШЛА-1 В БАШКИРСКОМ ЗАУРАЛЬЕ¹

Я.В. Рафикова, Н.С. Савельев

DISTURBED BURIALS OF THE LATE BRONZE AGE TASHLA-1 IN BASHKIR TRANSURALS

Y. Rafikova, N. Savelev

Ключевые слова: эпоха поздней бронзы, алакульская культура, нарушенные погребения, постпогребальные обряды, Башкирское Зауралье

В статье охарактеризованы 11 погребений со следами преднамеренного нарушения из могильника эпохи поздней бронзы Ташла-1 в Башкирском Зауралье. По степени нарушения они разделены на две группы – потревоженные в верхней части и полностью. Их анализ позволил сделать вывод о существовании постпогребальных обрядов у населения, оставившего этот могильник.

Keywords: late bronze age, Alakul' culture, disturbed burial, post burial rite, Bashkir TransUrals

The article describes 11 burials with traces of deliberate violation from the burial of late Bronze age Tashla-1 in the Bashkir Trans Urals. According to the degree of disturbance they are divided into two groups – disturbed in the upper part and in completely disturbed ones. Analysis of the details of the burial rite has led to the conclusion on the existence of post the burial rites among the population that left the burial ground.

В последнее время наблюдается всплеск интереса специалистов к проблеме нарушенных захоронений эпохи поздней бронзы Южного Урала и сопредельных территорий. Целая подборка статей по данной тематике содержится в материалах IV (XX) Всероссийского археологического съезда [Епимахов, 2014; Куприянова, 2014; Бондаренко, 2014; Подобед, Усачук, Цимиданов, 2014, Гришин, 2014²]. Эта тема привлекала к себе внимание специалистов также и ранее [Матвеев, 1998. С. 203-204; Корочкова, Стефанов, 1999; Шилов, Маслюженко, 2001; Стефанов, Корочкова, 2006. С. 123]. Все исследователи сходятся во мнении о неудовлетворительности объяснения причин потревоженности погребений банальным ограблением. Предлагаются различные смысловые трактовки нарушения – как проявление культа предков и, в то же время, как демонстрация отсутствия уважения к мертвым [Епимахов, 2014. С. 563], как действия очистительного характера [Куприянова, 2014. С. 589], как обезвреживание покойников [Корочкова, Стефанов, 1999. С. 82; Подобед, Усачук, Цимиданов, 2014. С. 630], как

метод борьбы за конкурентную территорию [Шилов, Маслюженко, 2001. С. 122, 123]. На наш взгляд, особенно ценным в этих исследованиях является то, что авторы, оперируя археологическим материалом, пытаются разглядеть того, кто за ним стоит – человека, а также мотивы его действий.

Интерес к обсуждению этой проблемы представляют материалы полностью раскопанного могильника эпохи поздней бронзы Ташла-1 в Хайбуллинском районе Башкортостана. В общей сложности 4 кургана этого могильника содержали 33 погребения [Савельев, 2008]. Надмогильные сооружения представлены двумя земляными насыпями с каменными кольцами (курганы 1, 2), земляной насыпью с кольцевой обкладкой единичными камнями по периметру и каменной выкладкой в центре (курган 3) и земляной насыпью (курган 4). Анализ погребального обряда и керамического комплекса позволяет отнести могильник к алакульской культуре (кожумбердынский тип) с некоторым срубным влиянием (к которому с оговорками можно отнести преобладающую ориентировку

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и ФФИ АН РБ в рамках научного проекта №15-11-02002 «Могильник Ташла-1 и поселение Ташла-2 в Башкирском Зауралье: культурное взаимодействие в эпоху поздней и финальной бронзы: подготовка к изданию материалов раскопок».

² В статье автора проанализированы нарушенные погребения кротовской культуры Западной Сибири, относящиеся к более раннему периоду – развитой бронзе.

погребенных в северных румбах³, а также незначительные срубные признаки в керамике).

Преобладающими являются детские захоронения – 24 (73%), большинство из которых представлены одиночными погребениями – 15 (62,5%), но при этом очень высокий процент составляют парные детские погребения, где усопшие расположены лицом друг к другу, таких 9 (37,5%). Погребений взрослых – 9, за исключением одного, где находилось два человека⁴, все остальные представлены индивидуальными захоронениями. Пол и возраст большинства погребенных определен антропологом А.И. Нечвалодой.

Из всех 33 погребений не потревожены только 6 (21,2%) – одного взрослого мужчины (кург. 3) и одиночные захоронения пяти младенцев (кург. 1 погр. 6-9, кург. 2 погр. 18)⁵. Все ненарушенные погребения локализируются на периферийных участках погребальных площадок, в т.ч. и могила мужчины, которая, будучи единственной под курганной насыпью, размещалась не в центре, а у западного края.

Более 2/3 погребений могильника нарушено – 27 (81,8%). Из них следы намеренного разрушения имеют 11 (33,3% от общего количества погребений) и 16 нарушены в результате деятельности норных животных (эти случаи, достаточно очевидные, здесь не рассматриваются).

Среди намеренно нарушенных захоронений значительно преобладают погребения взрослых, их 8 (88,9%), детских погребений всего 3 (12,5%). У большинства погребений никаких явных признаков вмешательства (вкопов) в могилы не зафиксировано. Их стенки и дно не повреждены, признаки вмешательства – только в нарушении целостности костяков и, в большинстве случаев, – в разрушении сосудов. Исключение составляют

погр. 2 кург. 1 и погр. 9 кург. 2, о которых подробнее будет сказано ниже.

По характеру преднамеренной нарушенности рассматриваемые захоронения можно разделить на две примерно равные группы:

1) костяки погребенных нарушены в верхней части (7 случаев) и

2) костяки нарушены полностью (4 случая).

Кроме одной центральной могилы, все остальные могилы с нарушенными захоронениями первой группы локализовались на периферии подкурганного пространства. Эта группа состоит из двух детских парных погребений и пяти взрослых захоронений, из которых одно, видимо, было парным, а остальные три – одиночными. Все погребения этой группы различаются по степени нарушенности костяков. Рассмотрим их по мере увеличения степени нарушенности.

Наименьшему нарушению подвергся костяк мужчины возраста *Adultus* из погр. 2 кург. 1 – череп, кости рук, верхняя часть позвоночника сдвинуты с первоначального места и перемешаны, остальная часть не тронута (рис. 1, 1). Далее по степени нарушенности следует костяк подростка (?), положенного на правом боку из парного погр. 14 кург. 2 – его останки разворошены до грудной клетки (рис. 2, 2). У мужского костяка 30-35 лет, лежащего на левом боку из парного погр. 2 кург. 4 целостность нарушена до поясничного отдела позвоночника (рис. 2, 3). До тазовых костей нарушены костяки подростков (?) из парного захоронения погр. 12 кург. 2 (у лежащего на левом боку сохранились еще 2 нижних позвонка) (рис. 2, 1). До тазобедренного сустава нарушен костяк взрослой женщины 25-30 лет в погр. 13 к. 2 (рис. 1, 2).

Наибольшие повреждения зафиксированы у четырех погребенных. От костяка взрослого (?) человека, лежавшего, видимо, на правом боку из

³ Одним из авторов статьи было высказано предположение, что северная с отклонениями ориентировка погребенных в могильниках эпохи поздней бронзы контактной срубно-алакульской зоны Южного Зауралья не может рассматриваться исключительно как признак срубной культуры, а, скорее, как особенность алакульских погребальных канонов этой территории [Рафикова, 2001. С. 333; 2008. С. 80]. Исследователь срубно-алакульских древностей И.П. Алаева северную ориентировку могильных ям так же относит не к показателю срубной традиции, а к особенностям памятников Южного Зауралья [Алаева, 2005. С. 227, 228]. С одной стороны, мы отдаем себе отчет в том, что наличие серии срубных погребений контактной зоны с ориентировкой погребенных в северных румбах (см. сводку в работе И.П. Алаевой [2014. С. 244]), как будто не оставляет иной возможности для объяснения такой ориентировки в погребениях Южного Зауралья. С другой же стороны, мы согласны с мнением И.П. Алаевой об алакульской культурной доминанте памятников этой зоны [Там же. С. 266], исходя из которой следует, что основные детали погребального обряда, включая один из главных его признаков – ориентировку погребенных, несомненно алакульские. Наличие в Зауралье погребальных комплексов с типично алакульским инвентарем и обрядом, но «срубной» ориентировкой погребенных (Березовский V могильник [Федоров, Рафикова, 1996]) подтверждают это. Все вышесказанное заставляет с большой осторожностью относиться к однозначной трактовке северной ориентировки погребенных на этой территории как срубной.

⁴ К сожалению, в публикации, посвященной анализу парных захоронений могильника Ташла-1 [Рафикова, Савельев, 2015], приведены неверные сведения о наличии в могильнике только детских парных захоронений. Недавнее изучение отсканированных с высоким разрешением фотографий погребений, позволило выявить, что в нарушенном погр. 2 кург. 4 находились остатки двух костяков взрослых людей, а не одного, как было отражено в научном отчете [Савельев, 2008. С. 48]. Расположение останков из этого погребения дает основание предполагать, что покойные лежали лицом друг к другу, т.е. захоронение было парным. Выражаем благодарность антропологу В.В. Куфтерину внимательно изучившему и описавшему фотографию этого погребения.

⁵ В погр. 9 кург. 1 сохранился только тлен костей, а в погр. 18 кург. 2 сохранился только сосуд, кости ребенка истлели.

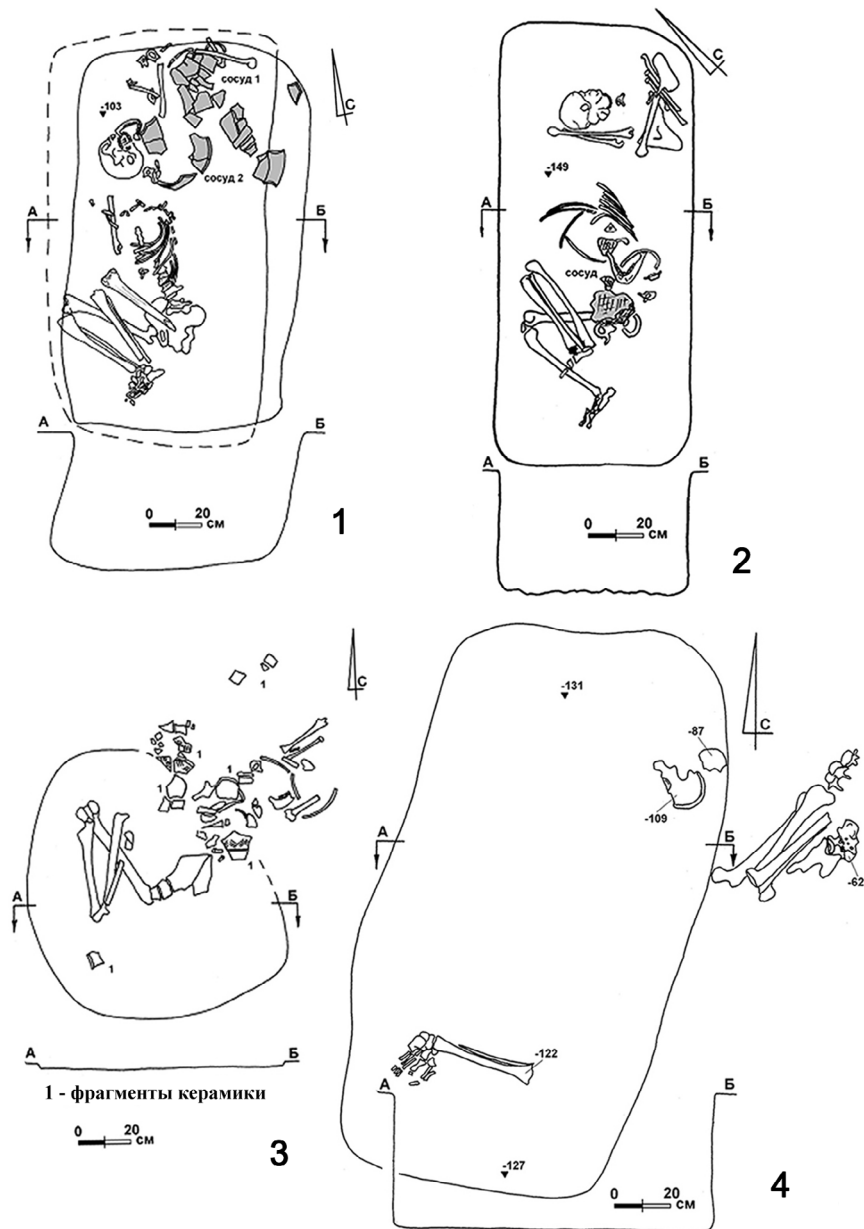

Рис. 1. Могильник Ташла-1. Погребения, нарушенные в верхней части:
 1 – кург. 2, погр. 9; 2 – кург. 1, погр. 13; 3 – кург. 4, погр. 1; 4 – кург. 2, погр. 1

парного погр. 2 кург. 4, от верхней части скелета вообще не осталось костей, а от нижней части скелета остались только обломки костей таза и сдвинутые со своего места бедро и кости голени одной ноги (рис. 2, 3). Костяк подростка (?), лежавшего на левом боку в парном захоронении погр. 14 кург. 2 нарушен до длинных костей ног, слегка сдвинутых с первоначального места (рис. 2, 2). У костяка взрослого мужчины в погр. 1 кург. 4 нетронутыми остались только кости правой ноги и голень левой ноги (рис. 1, 3). В погр. 1 кург. 2, расположенном в центре каменной конструкции, на дне ямы у короткой южной стенки зафиксированы лежащие в анатомическом порядке кости одной ноги (ниже колена) взрослого мужчины (Maturus I). Около северо-восточного угла могильной ямы в пере-

отложенном состоянии зафиксированы крупный фрагмент черепа и одна тазовая кость, здесь же, на краю могильной ямы, на уровне древней поверхности расчищено скопление костей, состоящее из трех позвонков, лежащих в анатомическом порядке, большой и малой берцовых костей (также в анатомическом порядке), двух бедренных костей, крестца и второго крыла таза (рис. 1, 4).

Никакого инвентаря в могиле не найдено в двух случаях – в погр. 1 кург. 2 и парном погребении 12 кург. 2. Разбитая и перемешанная с костями погребенных керамика зафиксирована в большинстве случаев, единственное исключение – в погр. 13 кург. 2 практически целый сосуд лежал на месте таза, но это не первоначальное его положение. В единственном случае – в парном погр. 14

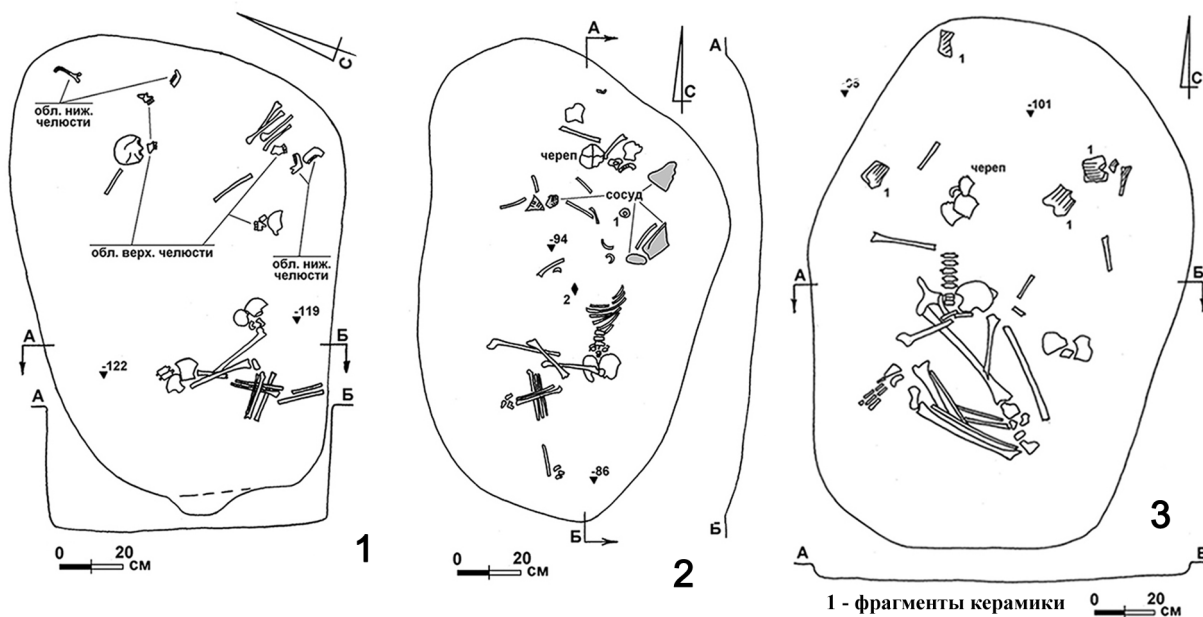

Рис. 2. Могильник Ташла-1. Погребения, нарушенные в верхней части:
1 – кург. 2, погр. 12; 2 – кург. 1, погр. 14; 3 – кург. 4, погр. 2

кург. 2 зафиксированы остатки более разнообразного, по сравнению с большинством погребений, где была найдена только керамика, инвентаря – раковина с отверстием и медная чешуйка. Существенных отклонений в погребальном обряде (в положении костяков⁶, ориентировке, конструкции и размерах могильных ям) не зафиксировано.

Единожды (погр. 2, кург. 1) отмечены следы усложненного огненными ритуалами обряда – в южном конце могильной ямы зафиксирован проквал ярко-оранжевого цвета, продолжающийся с различной насыщенностью вплоть до дна, кости погребенного частично обуглены, весь грунт выше костяка в центральной и южной частях ямы сильно прокален. Можно предположить, что в момент похорон, после небольшой присыпки покойника землей, был разведен огонь, а затем яма была засыпана грунтом. Это единственный случай в данной группе, когда зафиксировано, что яма явно нарушена вкопом – в заполнении северной головной части могилы отсутствуют угольки и следы прокала. По хаотично расположенным здесь же крупным камням, можно предположить, что «нарушители» после вторжения намеренно закидали ими эту часть ямы.

Во второй группе – полностью нарушенных захоронениях, также как и в первой, одно погребение локализовалось в центре подкурганной площадки (отметим, что этими двумя захоронениями исчерпываются все центральные захоронения мо-

гильника), а остальные три находились на периферийных участках.

В этой группе также преобладают погребения взрослых, их 3, только одна могила содержала останки ребенка. Рассматриваемые захоронения отличаются друг от друга по характеру нарушения и некоторым деталям обряда (наличие или отсутствие керамики, угли в яме, забутовка камнями). Каждый случай особенный. Бросается в глаза, что в двух захоронениях взрослых индивидов из одного кургана (№ 1) сосуды оставлены нетронутыми – в центральном погр. 5 и периферийном погр. 3. Однако, ситуация с нарушенными останками различна – в погр. 3 разрозненные человеческие кости (ребра, позвонки, часть таза, ключица) от взрослого индивида встречались по всей площади могильной ямы, в т.ч. и в заполнении на 0,1-0,15 м выше дна, череп и длинные трубчатые кости отсутствуют (рис. 3, 3). В погребении 5, которое было совершено в каменном ящике, на разных уровнях встречены только единичные кости взрослого человека (рис. 3, 1).

В погр. 9, кург. 2 в заполнении и на дне могилы, в основном в ее северо-восточном углу, встречены разрозненные кости взрослого человека и несколько мелких неорнаментированных фрагментов керамики (рис. 3, 4). Над погребением находились скопления камней среднего размера, большинство их концентрировалось над северо-восточной частью могильной ямы, где зафиксиро-

⁶ Нужно отметить, что ситуация с положением костяков в могильнике не совсем простая – здесь не зафиксировано преобладающего положения на каком-то одном боку, например, на левом, как в большинстве могильников этого времени. В шести надежно установленных случаях положения костяков из взрослых захоронений – только 2 из них находились на левом боку (оба нарушены), остальные 4 (3 нарушенных и 1 целое) – на правом. В одиночных детских захоронениях надежно установленное положение зафиксировано также у шести костяков, но соотношение иное – 4 на левом и 2 на правом. Для нас принципиально то, что не фиксируется какой-либо определенной связи между нарушением и положением погребенного.

ваны следы вкопа (?) в виде ступеньки и основное скопление костей человека. Это явление аналогично тому, что встречается в погр. 2, кург. 1 (из первой группы погребений) – оба нарушены, оба закиданы камнями в северо-восточной части.

В детском захоронении погр. 16, кург. 2 в южной части могильной ямы на боку лежала крышка черепа, в центре ямы находились лучевая кость и небольшие фрагменты черепа, а также несколько фрагментов костей животных (рис. 3, 2).

Большинство могил этой группы оформлено в виде простых грунтовых ям, углубленных в материк, единственное исключение, не только в группе, но и во всем могильнике – погр. 5, кург. 1 – каменный ящик из плит, поставленных на ребро и вкопанных в погребенную почву до уровня материка. Дно погребальной камеры было углублено в погребенную почву на 10 см, не достигая 15 см до уровня материка, что маркировано находящимися *in situ* в северо-восточном углу сосудами. Это погребение, скорее всего, являлось первоначальным на площадке кург. 1 и, по мнению автора раскопок, некоторое время – до окончания формирования всего комплекса и сооружения земляной насыпи, оставалось открытым. В таком случае трудно сказать, когда было совершено нарушение комплекса – в тот момент, когда он был открыт, или после возведения насыпи.

О времени нарушения рассматриваемых погребений определенно можно говорить только в одном случае – в погр. 1, кург. 2 сочлененные кости позволяют предположить короткий временной промежуток (период, когда связки еще не истлели) между актами захоронения и нарушения. Нахождение же сочлененных костей на краю могилы на древней поверхности указывает на то, что в момент нарушения погребальная площадка еще не была перекрыта насыпью⁷. В остальных рассматриваемых случаях можно только предположить по косвенным свидетельствам (отсутствию нарушений стенок могил, нетронутым сосудам), что нарушение осуществлялось современниками усопших.

Главный вопрос в отношении рассмотренных погребений: нарушение захоронений – результат ограбления или свидетельство особых постпогребальных ритуалов? Основные факты, имеющие принципиальное значение при обсуждении этого вопроса, на наш взгляд, можно трактовать двояко.

1) **Нарушение головной части могилы** – с одной стороны, при выборе версии ограбления, вполне логично, что нарушалась именно та часть, где могли находиться ценные предметы – металлические изделия (украшения), но, с другой стороны, в пользу особых ритуалов говорит то, что в это время стандартный набор инвентаря, как правило, ограничивался только керамикой и кроме мелких украшений в женских захоронениях нечего было

и брать. Да и расположение нарушенных в верхней части погребений преимущественно на периферии подкурганых площадок, где совершались погребения, в основном с минимальным набором инвентаря, лишний раз подтверждает это.

2) **Преобладание среди нарушенных комплексов захоронений взрослых**, где естественно предполагать более разнообразный и ценный инвентарь, привлекающий грабителей наталкивается на контраргумент, приведенный выше. Кроме того, с другой стороны, этот факт в равной степени можно трактовать и в пользу версии постпогребальных ритуалов, практиковавшихся только для избранных лиц, прежде всего, достигших зрелости.

3) **Нарушенность всех центральных могил** – общеизвестно, что грабителей, прежде всего, привлекают центральные погребения, как наиболее насыщенные ценными предметами, и преобладание среди нарушенных комплексов эпохи бронзы именно центральных могил может быть объяснено легкой определяемостью их местоположения для грабителей поздних эпох. Однако в рассмотренных случаях объяснить нарушение ограблением весьма проблематично. В одной центральной могиле и на ее краю находились сочлененные кости (кург. 2, погр. 1), т.е. нарушение осуществлено современниками. Другое центральное захоронение было совершено (по мнению автора раскопок) на уровне дневной поверхности и некоторое время (до конца формирования всего подкурганного комплекса) стояло открытым (кург. 1, погр. 5), здесь не исключены также и естественные факторы разрушения.

4) **«Нормированность» манипуляций**, позволяющая группировать захоронения по характеру нарушения – в верхней части и целиком. По мнению исследователей, она является свидетельством, скорее, в пользу постпогребальных ритуалов [Подобед, Усачук, Цимиданов, 2014. С. 630]. Хотя некоторые различия внутри групп все же допускают и противоположную трактовку – ограбление. Например, в погребениях первой группы мы фиксируем различную степень нарушения целостности костяков – до грудной части, до пояса, до бедер, до голени. Если предположить ритуальное разрушение – почему оно строго не регламентировано в плане того, до какой именно части костяка должна распространяться нарушение. Такое положение дел может скорее характеризовать действия грабителей, которые разрушали погребения до тех пор, пока не убеждались, что брать в них нечего.

Для объективного решения вопроса о практике постпогребальных ритуалов в погребальной обрядности населения поздней бронзы Южного Зауралья нужно учитывать и наличие комплексов, отличающихся удивительной целостностью (сохранностью) захоронений на фоне отмечаемого

⁷ Подобные случаи нарушения погребений до возведения общей надмогильной конструкции, зафиксированы в двух погребениях алакульских курганов могильника Урефты I [Стефанов, Корочкова, 2006. С. 74].

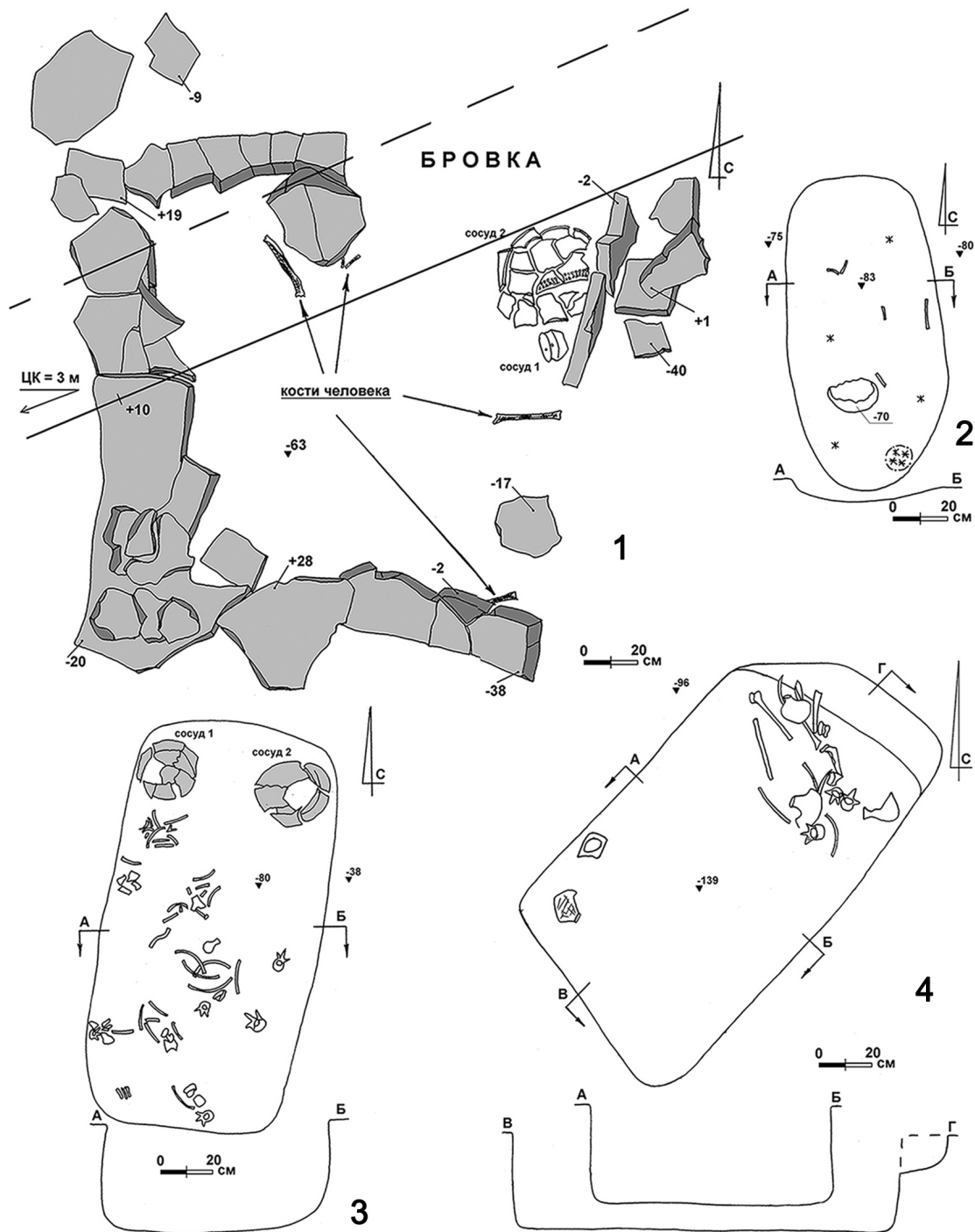

Рис. 3. Могилище Ташла-1. Погребения, нарушенные полностью:
 1 – кург. 1, погр. 5; 2 – кург. 2, погр. 16; 3 – кург. 1, погр. 3; 4 – кург. 2, погр. 9

исследователями факта практически «тотальной» нарушенности алакульских [Стефанов, Корочкова, 2006. С. 123] и большей части срубно-алакульских [Алаева, 2014. С. 173, 190] взрослых погребений. В частности, это – могилище Селивановский II из Башкирского Зауралья, в котором раскопано два кургана с 17 срубно-алакульскими захоронениями⁸, где 5 взрослых и 11 детских погребений

не имели следов намеренного нарушения, кроме центрального погр. 11, кург. 1, уничтоженного в 60-е гг. XX в. при копке экскаватором ямы для захоронения умерших от инфекции совхозных овец. По словам участников этого действия, экскаватором были вынуты человеческие кости, глиняные сосуды и медные украшения, покрытые зеленью, что может свидетельствовать о том, что и это погреб-

⁸ Опубликованы материалы только кург. 1 [Рафикова, 2008].

бение было нетронутым к моменту разрушения. Если разрушение могил связано с постпогребальными обрядами, то, видимо, нужно допустить, что в некоторых коллективах эпохи поздней бронзы Южного Зауралья эти обряды не практиковались. А если предположить, что погребения нарушались вследствие ограбления – то не совсем понятно, почему погребения в достаточно крупном кургане 1 (размер насыпи 26×32 м, высота 1,1 м) Селивановского II могильника не привлекли грабителей. В случае с этим могильником фактором сохранения целостности погребений могла быть и особенность его топографии – расположение на низком

берегу озера. Помешать нарушению могли колебания уровня воды в озере, которые могли вызвать и затопление курганов. Такое предположение как будто подтверждается тем, что в настоящее время часть курганов могильника находится на заболоченном участке [Рафикова, 2008. Рис. 1].

Таким образом, несмотря на двоякость трактовки фактов нарушенности рассмотренных погребений из могильника Ташла-1, объяснение их постпогребальными ритуалами, на наш взгляд, более вероятно, нежели чем тривиальным ограблением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алаева И.П.* Обряд трупосожжения в погребальных памятниках срубно-алакульской контактной зоны Южного Зауралья // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 4 / Ред. М.Н. Сдыков. Уральск, 2005. С. 218-233.
- Алаева И.П.* Культурная специфика памятников позднего бронзового века степной зоны Южного Зауралья: Диссертация ... канд. ист. наук. Москва, 2014. 311 с.
- Бондаренко А.В.* Нарушенные погребения эпохи бронзы Зауралья и Западной Сибири (по материалам федоровской культуры) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том I / Отв. ред. А.Г. Ситдииков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 539-542.
- Гришин А.Е.* Преднамеренно нарушенные погребения могильника кротовской культуры Сопка-2/4Б: к реконструкции мотивов постингумационного проникновения // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том I / Отв. ред. А.Г. Ситдииков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 548-551.
- Епимахов А.В.* Потрясенные погребения бронзового века Южного Урала: факты и интерпретации // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том I / Отв. ред. А.Г. Ситдииков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 561-563.
- Корочкова О.Н., Стефанов В.И.* О некоторых особенностях погребальной практики населения алакульской культуры в Зауралье // XIV Уральское археологическое совещание (21-24 апреля 1999 г.): Тезисы докладов / Ред. С.А. Григорьев. Челябинск: Изд-во «Рифей», 1999. С. 81-82.
- Кутрянова Е.В.* Манипуляции с предметами в погребениях эпохи бронзы: ограбление или ритуал (по материалам могильника Степное-7) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том I / Отв. ред. А.Г. Ситдииков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 588-589.
- Матвеев А.В.* Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск: Наука, 1998. 417 с.
- Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В.* «Ограбление» могил в культурах эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том I / Отв. ред. А.Г. Ситдииков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 628-631.
- Рафикова Я.В.* К вопросу о погребальных памятниках эпохи поздней бронзы Магнитогорского района // Бронзовый век Восточной Европы: Характеристика культур, хронология и периодизация: Материалы междунар. науч. конф. / Отв. за вып. Ю.И. Колев. Самара: ООО «НТЦ», 2001. С. 327-333.
- Рафикова Я.В.* Срубно-алакульский курган Селивановского II могильника из Южного Зауралья и проблема парных погребений эпохи бронзы // РА. 2008. №4. С. 72-83.
- Рафикова Я.В., Савельев Н.С.* Парные погребения могильника эпохи поздней бронзы Ташла-1 в Башкирском Зауралье // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Материалы VI Всерос. науч. конф. / Отв. ред. А.Д. Таиров. Челябинск: Чел.ГКМ, 2015. С. 151-159.
- Савельев Н.С.* Научный отчет об археологических исследованиях в зоне строительства Акъярского водохранилища на р. Ташла (курганый могильник Ташла-1 и поселение Ташла-2) в Хайбуллинском районе Республики Башкортостан, проводившихся осенью 1997 года. Уфа, 2008. 195 с. / Архив ИА РАН.
- Стефанов В.Ф., Корочкова О.Н.* Урефты I: зауральский памятник в андроновском контексте. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2006. 160 с.
- Федоров В.К., Рафикова Я.В.* Березовский V курганный могильник эпохи бронзы в Южном Зауралье // Башкирский край. Вып. 6. Уфа, 1996. С. 49-71.
- Шилов С.Н., Маслюженко Д.Н.* О некоторых аспектах мотивации разрушения могил алакульской культуры на территории лесостепного Притоболья // XV Уральское археологическое совещание. Тез. докл. Междунар. науч. конф. Оренбург: ООО «Оренбургская губерния», 2001. С. 122-123.

REFERENCES

- Alaeva I.P.* Obryad truposozhzheniya v pogrebal'nykh pamyatnikakh srubno-alakul'skoj kontaktnoj zony Yuzhnogo Zaural'ya [The Ritual of Cremation in the Burial Monuments of the Timber Frame – Alakul' Contact Zone of Southern Transurals] // *Voprosy istorii i arkhologii Zapadnogo Kazakhstana*. Vyp. 4 / Red. M.N. Sdykov. Ural'sk, 2005. S. 218-233.
- Alaeva I.P.* Kul'turnaya spetsifika pamyatnikov pozdnego bronzovogo veka stepnoj zony YUzhnogo Zaural'ya [The Cultural Specificity of the Late Bronze Age Monuments of the Steppe Zone of Southern Transurals]: Dissertatsiya ... kand. ist. nauk. Moskva, 2014. 311 s.
- Bondarenko A.V.* Narushennyye pogrebeniya ehpkhi bronzy Zaural'ya i Zapadnoj Sibiri (po materialam fedorovskoj kul'tury) [Disturbed burials of the bronze age in the Urals and Western Siberia (on materials of the Fedorov culture)] // *Trudy IV (XX) Vserossijskogo arkhelogicheskogo s'ezda v Kazani*. Tom I / Otv. red. A.G. Sitdikov, N.A. Makarov, A.P. Derevjanko. Kazan': Otechestvo, 2014. S. 539-542.
- Grishin A.E.* Prednamerenno narushennyye pogrebeniya mogil'nika krotovskoj kul'tury Sopka-2/4B: k rekonstruktsii motivov postingumatsionnogo proniknoveniya [Intentionally violated burials of the krotovskaya culture burial Sopka-2/4B: to the reconstruction of motives of postingestion penetration] // *Trudy IV (XX) Vserossijskogo arkhelogicheskogo s'ezda v Kazani*. Tom I / Otv. red. A.G. Sitdikov, N.A. Makarov, A.P. Derevjanko. Kazan': Otechestvo, 2014. S. 548-551.
- Epimakhov A.V.* Potrevozhennyye pogrebeniya bronzovogo veka Yuzhnogo Urala: fakty i interpretatsii [Disturbed burials of the Bronze age of the southern Urals: facts and interpretation] // *Trudy IV (XX) Vserossijskogo arkhelogicheskogo s'ezda v Kazani*. Tom I / Otv. red. A.G. Sitdikov, N.A. Makarov, A.P. Derevjanko. Kazan': Otechestvo, 2014. S. 561-563.
- Korochkova O.N., Stefanov V.I.* O nekotorykh osobennostyakh pogrebal'noj praktiki naseleniya alakul'skoj kul'tury v Zaural'e [About some features of the funerary practices of the population of the Alakul culture in the Urals] // *XIV Ural'skoe arkhelogicheskoe soveshhanie (21-24 aprelya 1999 g.): Tezisy dokladov* / Red. S.A. Grigor'ev. Chelyabinsk: Izd-vo «Rifej», 1999. S. 81-82.
- Kupriyanova E.V.* Manipulyatsii s predmetami v pogrebeniyakh ehpkhi bronzy: ograblenie ili ritual (po materialam mogil'nika Stepnoe-7) [Manipulation of objects in burials of the Bronze age: a robbery or ritual (on materials of burial ground Stepnoe-7)] // *Trudy IV (XX) Vserossijskogo arkhelogicheskogo s'ezda v Kazani*. Tom I / Otv. red. A.G. Sitdikov, N.A. Makarov, A.P. Derevjanko. Kazan': Otechestvo, 2014. S. 588-589.
- Matveev A.V.* Pervyye andronovtsy v lesakh Zaural'ya [First Andronovo people in Trans Urals forests]. Novosibirsk: Nauka, 1998. 417 s.
- Podobed V.A., Usachuk A.N., Tsimidanov V.V.* «Ograblenie» mogil v kul'turakh ehpkhi bronzy stepnoj i lesostepnoj Evrazii [Robbery of graves in cultures of the Bronze age of the steppe and forest-steppe Eurasia] // *Trudy IV (XX) Vserossijskogo arkhelogicheskogo s'ezda v Kazani*. Tom I / Otv. red. A.G. Sitdikov, N.A. Makarov, A.P. Derevjanko. Kazan': Otechestvo, 2014. S. 628-631.
- Rafikova Y.V.* K voprosu o pogrebal'nykh pamyatnikakh ehpkhi pozdnej bronzy Magnitogorskogo rajona [To the Problem of the Late Bronze Age Burial Monuments of the Magnitogorsk District] // *Bronzovyy vek Vostochnoj Evropy: Kharakteristika kul'tur, khronologiya i periodizatsiya*: Mat. mezhdunar. nauch. konf. / Otv. za vyp. Yu.I. Kolev. Samara: OOO «NTTS», 2001. S. 327-333.
- Rafikova Y.V.* Srubno-alakul'skij kurgan Selivanovskogo II mogil'nika iz YUzhnogo Zaural'ya i problema parnykh pogrebenij ehpkhi bronzy [The Timber Frame – Alakul Mound of the Selivanovsky II Burial in Southern Trans Urals and the Problem of Paired Bronze Age Burials] // *RA*. 2008. №4. S. 72-83.
- Rafikova Y.V., Savelev N.S.* Parnye pogrebeniya mogil'nika ehpkhi pozdnej bronzy Tashla-1 v Bashkirskom Zaural'e [Paired Burials of the Late Bronze Age Tashla-1 Burial in the Bashkir TransUrals] // *Ehtnicheskie vzaimodejstviya na Yuzhnom Urale*. Mat. VI Vseros. nauch. konf / Otv. red. A.D. Tairov. Chelyabinsk: Chel.GKM, 2015. S. 151-159.
- Savelev N.S.* Nauchnyj otchet ob arkhelogicheskikh issledovaniyakh v zone stroitel'stva Ak'yarskogo vodokhranilishha na r. Tashla (kurgannyj mogil'nik Tashla-1 i poselenie Tashla-2) v Khajbullinskom rajone Respubliki Bashkortostan, provodivshikh-sya osen'yu 1997 goda [Scientific report of the archaeological research investigation in the area of construction Akiar reservoir on the river Tashla (burial mound Tashla-1 and the settlement Tashla-2) in Khaybullinskogo district of the Republic of Bashkortostan, carried out in autumn 1997]. Ufa, 2008. 195 s. / Arhiv IA RAN.
- Stefanov V.F., Korochkova O.N.* Urefty I: zaural'skij pamyatnik v andronovskom kontekste [Urefty I: a Trans-Urals monument in the context of the Andronovo culture]. Ekaterinburg: Izd-vo UrGU, 2006. 160 s.
- Fedorov V.K., Rafikova YA.V.* Berezovskij V kurgannyj mogil'nik ehpkhi bronzy v Yuzhnom Zaural'e [The Berezovsky V Burial Mound of the Bronze Age in Southern Trans-Urals] // *Bashkirskij kraj*. Vyp. 6. Ufa, 1996. S. 49-71.
- Shilov S.N., Mashyuzhenko D.N.* O nekotorykh aspektakh motivatsii razrusheniya mogil alakul'skoj kul'tury na territorii lesostepnogo Pritobol'ya [On some aspects of motivation of the destruction of graves of the Alakul culture on the territory of forest-steppe Tobol region] // *XV Ural'skoe arkhelogicheskoe soveshhanie*. Tez. dokl. Mezhdunar. nauch. konf. Orenburg: OOO «Orenburgskaya guberniya», 2001. S. 122-123.